

УДК 81

ТЕОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА АФАНАСИЯ КИРХЕРА

Д.Е. Мартынов, С.Ю. Глушкова

dmitrymartynov80@mail.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В данном исследовании представлены основные положения теории возникновения китайского языка, представленной Афанасием Кирхером (1602 – 1680). Кирхер, известный, прежде всего, исследованиями коптского языка и попытками дешифровки египетской иероглифики, интересовался и китайским языком. В современной историографии его называют в числе предшественников фигурализма – сторонников единой примордиальной Истины, данной в божественном Откровении, которое потомки Ноя разнесли по всем народам и континентам. Кирхер считал египетскую иероглифику изобретением Меркурия Трисмегиста. В Китай иероглифы принёс Хам, сын Ноя, отождествляемый с Зороастром. Кирхер не связывал иероглифику с разговорным языком и потому предлагал лишь символическую интерпретацию идеографической письменности. Китайское письмо, согласно его мнению, не было носителем сокровенной тайны, однако он считал его универсальным механизмом, обеспечивающим взаимопонимание носителей разных китайских диалектов, а также жителей Японии, Кореи и Вьетнама, языки которых отличались от китайского.

В статье представлен первый перевод на русский язык глав 1 и 5 шестой части трактата *China illustrata*, в котором излагаются взгляды А. Кирхера на указанные предметы.

Ключевые слова: герменевтика, языкознание, китайский язык, Афанасий Кирхер, теория языка, фигурализм.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Глушкова С.Ю. Теория возникновения китайского языка Афанасия Кирхера. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 3 (2): 73–85.

ATHANASIUS KIRCHER' THEORY OF THE CHINESE LANGUAGE APPEARANCE

D.E. Martynov, S.Yu. Glushkova

dmitrymartynov80@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This study presents the main provisions of the theory the origin of Chinese language, presented by Athanasius Kircher (1602 – 1680). Kircher, who known primarily for his

studies on the Coptic language and attempts to decipher Egyptian hieroglyphics, was also interested in Chinese. In modern historiography he is called among the predecessors of figurism – hermeneutic doctrine, whose Jesuit followers support the doctrine of the single primordial Verity given in the divine Revelation, which Noah’s descendants spread across all nations and continents. Kircher considered Egyptian hieroglyphics to be the invention of Mercury Trismegistus. Ham, Noah’ Son, identified with Zoroaster brought hieroglyphs to China. Kircher did not associate hieroglyphics with the spoken language, and therefore offered only a symbolic interpretation of ideographic writing. The Chinese letters, according to his opinion, was not the bearer of the secret, but he considered it a universal mechanism, providing mutual understanding of the speakers of different Chinese dialects, as well as people of Japan, Korea and Vietnam, whose languages differed from Chinese.

The article presents the first Russian translation of chapters 1 and 5 of the sixth part of the treatise *China illustrata*, which sets forth the views of A. Kircher on these subjects.

Keywords: hermeneutics, linguistics, Chinese, Athanasius Kircher, theory of language, figurism.

For citation: Martynov D.E., Glushkova S.Yu. Athanasius Kircher’ Theory of the Chinese Language Appearance . *Kazan Linguistics Journal*. 2019; 3 (2): 73–85. (In Russ.)

Афанасий Кирхер (*Athanasius Kircher*, 1602 – 1680) во второй половине XVII в. был одним из наиболее ярких учёных-полиматов, воплощавших позднюю традицию ренессансного гуманизма. По мере становления просвещенческой и позитивистской научной традиции, исключительно многообразное наследие Кирхера было забыто или рассматривалось как курьёз или «заблуждение», продукт донаучной полиматии, осуждённой редакцией «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. Лишь во второй половине XX в. ситуация стала меняться, и возникло понимание истинного вклада Кирхера в развитие научного знания Нового времени. Современная исследовательница его наследия Пола Финдлен писала, что он «попытался стать единственным автором „целой Британской энциклопедии“ и в значительной степени это ему удалось». Главной заслугой учёного-иезуита было создание обобщённого и целостного поля знания [4, с. 25].

Одним из составляющих этого поля были лингвистические штудии отца-иезуита, известного как одного из пионеров изучения коптского языка, который осознал, что этот язык может стать основой дешифровки древнеегипетской иероглифики. Даже Ж.-Ф. Шампольон признавал, что несмотря на все заблуждения и ошибки, Кирхер является основателем египтологии,

и немало способствовал успеху его собственного труда [3, с. 161-164]. Египетские штудии прямо корреспондировали с китаеведческими интересами Кирхера, часть которых мы представляем читателям. Речь идёт о вкладе иезуита в развитие философии языка и практического изучения восточных языков, которые в интеллектуальной ситуации XVII в. были неотделимы от библейской экзегезы и герменевтики. В иезуитском ордене, миссия которого в Китае функционировала с 1582 г., возникло примечательное интеллектуальное течение, представители которого пытались найти в китайских классических текстах «фигуры», т.е. прообразы библейских событий и персон. Это должно было служить двойственной цели: доказательству истины Писания в русле миссионерской проповеди и контрреформационной полемики, а также доказательству знакомства китайцев с Откровением [1, с. 209-210].

Внутри ордена иезуитов последователей этого течения именовали «символистами» или «цзинистами» (*kinistae*) – от увлечения древнекитайскими канонами (*цзин*, 经). В Европе закрепилось понятие «фигурализм», по фигуральной интерпретации китайских текстов, типологической интерпретации следов древней универсальной традиции в древних китайских терминах. Термин этот употреблялся примерно с 1730 г. Китайский исследователь Хань Ци предложил следующий китайский аналог этому понятию: «полемика о символах Ветхого Завета» (*цзююэ сян чжэнлунь*, 旧约象争论) [1, с. 210]. Труды Кирхера, а особенно его энциклопедию «Памятники Китая, как священные, так и мирские, и к ним различные зрелища, как природы, так и искусства, и о прочих достопамятных вещах разъясняющее рассуждение» (*China monumentis, qua sacris qua profanis, nec non variis naturae & artis spectaculis, aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrata*), обыкновенно называют среди пионерных в использовании фигуралистских методов [1, с. 211].

Фигуралистская герменевтика в широком смысле существовала от первых веков развития христианской церкви. Основной посылкой этого

метода было признание существования изначального Откровения, при котором интерпретация образов и событий Ветхого Завета указывала пророчески на последующие события Нового Завета. Новозаветное основание фигуральной герменевтики содержится в Первом послании к Коринфянам св. ап. Павла (1 Кор. 10: 1-3, 5-6); содержащееся там понятие «образ» (τύπος) в латинской Вульгате переводилось как *figura*. В Европе XVII в. распространились теологические теории эзотерического откровения Бога Истины изначальному мудрецу, для обозначения которого чаще всего использовался античный образ Гермеса Трисмегиста (Триждывеличайшего) [1, с. 211-212], из так называемого «Герметического корпуса», который был чрезвычайно популярен с середины XV в.

Обращаясь к *China illustrata* Кирхера, следует отметить, что самого отца-иезуита китайская цивилизация занимала мало. В известном смысле можно сказать, что книга о Китае завершала египтологические штудии Кирхера, в которых значительное место занимали вопросы происхождения языка и письменности. Иероглифику Кирхер в своём трёхтомном трактате «Египетский Эдип» (*Oedipus Aegyptiacus*, 1652 – 1654 гг.) называл первым даром Бога человеку – Адамовой премудростью [3, с. 161]. Примечательно, что, будучи отличным знатоком многих языков, Кирхер почти дошёл до понимания, что некоторые часто встречающиеся иероглифы связаны с фонетическими значениями, и даже пытался проследить происхождение от иероглифов форм греческих букв. Например, «альфу» Кирхер выводил из знака, изображавшего ибиса, изогнувшего шею. Однако иезуит отказывался верить, что иероглифика изначально фиксировала разговорную речь [3, с. 167].

Собственную доктрину возникновения китайского языка, письменности и культуры Кирхер вполне отчётливо изложил в шестой части *China illustrata*, первую и последнюю главы которой мы приводим полностью в русском переводе. Следует учитывать, что одни и те же пассажи Кирхер воспроизводил в разных своих трудах [3, с. 172], помимо «Эдипа» и *China illustrata*, ещё в «Ноевом ковчеге» (*Arca Noë*, 1675) и «Вавилонской башне» (*Turris Babel*,

1679). «Ноев ковчег» был попыткой комплексного исследования библейского сюжета о Потопе с привлечением всего арсенала гуманитарных и естественных наук XVII века. По сути, он развивал один из сюжетов кирхеровского «Китая» – о расселении сыновей Ноя по Земле после Потопа и передаче ими изначального Откровения. В третьей части «Вавилонской башни» обстоятельно проводится сравнение разных восточных языков, сведённое в весьма примечательные таблицы [Kircher-4, с. 136-190]. Если брать теорию Кирхера, как она изложена в *China illustrata*, из нее следует, что иероглифику принесли в Китай праотец Хам и потомки его. Хама он отождествлял с Зороастром, который ещё в античной эзотерической традиции считался создателем магии. Иероглифика Египта была создана Меркурием Триждывеличайшим (Гермесом Трисмегистом). Именно в этом кроется различие между египетской и китайской письменностями: египетские письмена несут сокровенный смысл, в китайских же нет тайны. Если в «Вавилонской башне» Кирхер подробно расписал, от каких иероглифов происходили буквы греческого алфавита [8, с. 177-183], то и в «Китае» он пытался показать этимологию наиболее распространённых иероглифов [5, с. 227-232], впрочем, совершенно фантастическую. Однако он совершенно верно утверждал, что китайские знаки имеют иконическую основу, и в одной из своих таблиц даже давал их соответствие с предметами реального мира – «животными, птицами, пресмыкающимися, рыбами, травами, древесными побегами, и прочим». Он обнаружил, что китайские знаки, так же, как и египетские, не обозначают звуки или их сочетания, а являются отсылками к понятиям. Однако китайский язык, с его точки зрения, был изначальным языком Откровения, и потому он не входит в число священных. Будучи профессиональным лингвистом-востоковедом, он увидел в китайском языке много верного, особенно это касается его распространённости, оторванности литературного языка от разговорного и множественности диалектов.

Перевод первой и пятой глав VI части трактата *China illustrata* выполнен Д.Е. Мартыновым по первоизданию [5, сс. 225-226, 235-236]. Существует

перевод на французский язык 1670 г. [6, сс. 302-303, 313-315] и современный перевод на английский язык Ч. ван Тюля [7, сс. 214-215, 225-226].

**«Памятники Китая, как священные, так и мирские, и к ним
различные зрелища, как природы, так и искусства, и о прочих
достопамятных вещах разъясняющее рассуждение» (1667 г.)**

Часть VI «О китайской литературе»

Найдется ли племя столь варварское, или нация столь некультурная, что не способна выразить свои представления в знаках, как о том свидетельствует опыт времен? Мы не говорим здесь о литерях и знаках, кои образуют алфавит, но значащих символах, которые выражают целое понятие одним знаком. Среди представленных на земном круге племён таковых насчитывается три, а именно нации китайцев, браминов и мексиканцев. Мы отставим письменности двух последних, и сосредоточимся на китайской.

Глава 1 «Об иероглифических знаках китайцев»

В собственных «Анналах» китайцев мы читаем, что они обратились к литературным занятиям примерно через три сотни лет после Потопа; один из первых основателей и королей того времени именовался Фуси (*Fòhi*). Это сказано в «Книге о царском преемствовании». И первые оформленные знаки, используемые в качестве письменных, содержатся в рукописи, присланной из китайской стороны в Рим отцом Михаилом Боймом¹, из польского Ордена Иисуса, специалистом по китайскому языку и всем вещам, относимым к китайскому государству. Из его труда я непосредственно извлек множество вещей, касающихся китайских письменных знаков и литературы. Я опишу лишь те сущности, которые отвечают целям моего труда. Другие вещи, которые имеются в королевстве китайском, а особенно его политика, и более полное описание языка для любознательного читателя, стремящегося

¹ *Michal Piotr Boym*, по-латыни *Michael Boimus*, китайское имя Бу Мигэ (卜弥格), – миссионер Ордена иезуитов, по происхождению поляк из Львова. Годы жизни 1614 – 1659. Автор трудов по ботанике («Флора Китая», Вена, 1656) и китайской медицине, опубликованных на латинском языке. Исследование и перевод сирийской несторианской стелы VII в. из Сианя, выполненное Боймом в соавторстве с крещёными китайцами, также было опубликовано Кирхером в *China illustrata*.

разъяснить суть китайских вопросов, найдутся в сочинении *Dilucatione summaria rerum Sinicarum* помянутого отца [Бойма].

Я утверждаю, что примерно через три сотни лет после Потопа, почти в то самое время, когда сыновья Ноя господствовали на Земле и распространяли власть свою над всею Землею, первый изобретатель письменности, именуемый императором Фуси, едва ли мог получить это знание иным путём, как не от сыновей Ноевых. В первом томе моего «Эдипа», касающегося этих предметов, говорится, что Хам первым вышел из Египта в Персию, а затем вывел поселения и в Бактрию, и мы делаем вывод, что он же был известен как Зороастр, царь бактрийский. Бактрия есть самая отдаленная провинция персов, граничащая с моголами или Индостанским королевством. Эта провинция расположена напротив Китая, последнего царства на Земле, которое было населено [потомками Ноя]. В это самое время первые письменные знаки были установлены праотцом Хамом и Меркурием Триждывеличайшим, сыном Несраима. Хотя эти иероглифические знаки были несовершенными, они распространялись повсюду. Очень важное доказательство тому – великая древность китайской письменности, знаки которой полностью повторяют [египетские] иероглифы [по логике]. Во-первых, китайцы составляют свои знаки из образов вещей этого мира. Их собственные хроники гласят, и формы этих знаков подтверждают, что подобно египтянам, они составляли свои письмена из образов животных, птиц, пресмыкающихся, рыб, трав, древесных побегов, и прочего, а затем создали более обобщенную систему из пересекающихся по прямым и по углам линий, каковую и употребляют до настоящего времени. Число их настолько умножилось, что каждый ученый должен знать, по меньшей мере, 80 000 знаков, ибо считается, что чем больше человек помнит знаков, тем более ученым он считается и удостоивается докторских степеней. Однако десяти тысяч знаков достаточно для повседневных нужд и сносного понимания. Более того, китайские знаки не расположены так, что образуют алфавит, употребляемый прочими нациями, и у них не существует записи слов буквами и слогами. Особенные символы

обозначают определенный слог или произношение, но у каждого знака имеется свое собственное произношение и значение, и потому у них столько же знаков, сколь и вещей, и понятий, через которые разум желает их выразить. И если бы кто-то захотел перевести весь *Calepinum*² на их язык, он должен был бы использовать столько же отдельных и различных знаков, сколько отдельных слов в нем содержится. Также они не используют склонений или спряжений для всех этих вещей, и как будет показано ниже, все это неявно содержится в их знаках. Тот, кто желает приобрести больше, чем посредственное знание китайского языка, должен быть наделен отменной памятью. Те же люди, которые действительно ученые, прилагают великие труды и проводят большую часть своей жизни в учении, чтобы достичь, наконец, самой высокой эрудиции, и быть потому избранными для первых рангов администрации в их государстве.

Глава 5 «Заключение»

Итак, все эти вещи были разъяснены, и мы, кажется, рассуждали обо всех достойных предметах и аргументах относительно китайского языка, и продемонстрировали не столь многое не оттого, что такова была моя воля, но исходя из просьб иных людей, на которых сосредоточился.

Таким образом, язык китайский исключительно неоднозначен, и одно слово (*verbum*) часто будет выражать десять или двадцать разных значений в зависимости от тона (*accentus*), с которым произносится. Как я уже говорил, это чрезвычайно сложно, и желающий посвятить себя великому делу труда и углублённых занятий, вынужден выучивать тысячи знаков, чтобы научиться произносить их. Общим для всего королевства является мандаринский язык (*Mandarina*), который преимущественно употребляется в суде и при дворе в Пекине и в Нанкине (*Paquini & Nanchini*); используется во всем королевстве так же, как кастильский язык в Испании и тосканский в Италии. Отличающиеся

² Имеется в виду толковый словарь латинского языка Амброзия Калепино, первое издание которого вышло в 1502 г. Был популярен вплоть до XVIII в., с течением времени пополнялся всё новыми языками и может рассматриваться как *summa* лексикографических практик Ренессанса [Nazarov 2015, с. 172-173]. В основу латинского реестра первого японского словаря также был положен словник Калепино [Nazarov 2015, с. 176].

друг от друга языки существуют в государствах японском, кохинхинском, корейском и тонкинском³, употребляемые ими книги и документы написаны одинаковыми письменами, но люди не могут общаться друг с другом устно. Подобно тому, как цифры понятны и используются по всей Европе, но с совершенно различным произношением, так и эти иероглифы произносятся по-разному, но общи для всех. Следовательно, с другой стороны, знание китайских иероглифов не позволяет говорить по-китайски. Иностранец, обладающий хорошей памятью и прилежанием, сможет научиться хорошо понимать китайские книги, но не сможет ни говорить, ни понимать устной речи. Посему для мужей апостольских необходимо знание разговорного языка. Здесь помогает использование музыкальных нот «до», «ре», «ми», «фа», «соль» и «ля» для заучивания китайских интонированных слогов, чтобы преодолеть эту трудность в изучении языка. Отец Иаков Пантоха⁴ первым стал изучать тона. Они могут быть размещены над китайскими словами, записанными по-европейски, следующим образом: ^, -, ʒ, /, ˘.

Первый тон соответствует музыкальной ноте «до», а китайцы произносят это как *chǒ p̄m*, то есть это первый ровный тон (*prima vox prodiens æqualis*). Второй тон соответствует нашей музыкальной ноте «ре», а китайцы называют его *p̄m xim*, что означает яркий, чистый ровный тон (*clara vox æqualis*). Третий тон ʒ соответствует «ми», и китайцы называют его *xām xim*, т.е. высокий тон (*alta vox*). Четвертый тон соответствует «фа», китайцы называют его *kiiú xim*, и это означает отступающий тон (*abeuntis alta vox*). Пятый тон ˘ соответствует ноте «соль», у китайцев называется *gě xim*, что означает повышающийся тон (*ingredientis propria vox*). Возьмём слово, которое будет написано европейскими буквами как *Ya*. Произнесенное в пяти разных тонах, оно каждый раз будет иметь разный смысл, и каждый будет записываться другими китайскими иероглифами.

³ Кохинхина и Тонкин – государства, расположенные, соответственно, на юге и севере современного Вьетнама.

⁴ *Diego de Pantoja* (по-китайски Пан Диво, 龐迪我, 1571 – 1618) считается первым пропагандистом системы романизации китайского языка, разработанной иезуитами Маттео Риччи и Никола Триго [Klötter, 2001, p. 103, note 5].

[В оригинале следует таблица с примерами иероглифов для слога *ya* в разных тонах, мало соотносящихся с реальными. – Д.М., Ю.М., С.Г.]

Тоны придают различие одинаковым слогам, и придают значения, которые можно определить на слух. Речь характеризуется тонами, которые используются с каждым моносиллабом (потому что не существует многосложных китайских слов). Пять фигур или вокализаций, представленных выше, могут быть использованы для обозначения этих тонов. Очень тяжело описать величину усилий, необходимых для обучения иностранцев тонам. Китайцы (*Sinae*) не употребляют [в текстах] акцентных знаков, но привыкли произносить слова, как и у всех прочих наций, с детства. Однако же их ученые (*literati*) знают и изучают произношение не только научением, но и посредством использования письменных [иероглифических] знаков. Они всегда изумляются европейцам, произносящим их слова, и не понимают, как мы можем записывать слова их языка посредством латиницы (*litteris Latinis*) столь легко и правильно. И у этих людей нет собственного алфавита, и они поражаются, что мы способны передать значение и произношение любого из их знаков, используя заглавные, средние и конечные буквы. Из-за разнообразия знаков и несовпадения записанного и произнесенного, любое слово может изменяться. Так, знак *chùn* может иметь одно произношение на мандаринском языке, а другое – на японском, и совершенно иное в других королевствах, но смысл его останется прежним. Точно так же, если некто увидит символ, который выражает понятие *çím*, означающий «благоговейное почтение» (*revereri*), то его прочтёт и любой иностранец. И я могу утверждать, что тот человек, кто знает один из этих языков с этими [иероглифическими] знаками, сможет легко обойтись ими не только в одном королевстве китайском, но и во всех остальных странах.

Литература

1. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002. 446 с.
2. Назаров Н. Словари Амброджо Калепино и Памвы Беринды: между Византией и Ренессансом // *Slavica Tergestina*. 2016. №16. С. 170-183.
3. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. А. Миролюбовой. СПб.: Александрия, 2007. 423 с.
4. Athanasius Kircher. *The Last Man Who Knew Everything* / ed. by Paula Findlen. L.: Routledge, 2004. 466 p.
5. Kircher-1 – Athanasii Kircheri... *China monumentis qua sacris qua profanis, nec non variis naturae et artis spectaculis, aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrate...* Amstelodami, 1667. 278 p.
6. Kircher-2 – *La Chine D'Athanase Kirchere, illustrée de plusieurs monuments tant sacrés que profanes et de quantité de recherches de la nature & de l'art, Traduit du latin par François-Savinien Dalquié*. Amsterdam, 1670. 367 p.
7. Kircher-3 – *China illustrata*. Translated by Dr. Charles D. Van Tuyl from the original 1677 Latin edition. [China monumentis, qua sacris qua profanis. illustrata] // URL <https://htext.stanford.edu/content/kircher/china/kircher.pdf> (accessed 27.01.2019)
8. Kircher-4 – Athanasii Kircheri e Soc. Jesu *Turris Babel, siue Archontologia qua primo priscorum post diluvium hominum vita, mores rerumque gestarum magnitudo, secundo, turris fabrica civitatumque exstructio, confusio linguarum, & inde gentium transmirationis*. Amstelodami, 1679. 219 p.
9. Klöter H. *The Language of the Sangleys: A Chinese Vernacular in Missionary Sources of the Seventeenth Century*. Leiden: Brill, 2011. 411 p.

References

1. Eco, U., Mirolubova, A. (2007). *Poiski sovershennogo yazyka v evropeyskoy kulture* [The search for the perfect language in European culture: translated from Italian]. Saint Petersburg: Aleksandriya. 423 p. (In Russian).

2. Findlen, P. (2004). *Athanasius Kircher. The Last Man Who Knew Everything*. London: Routledge. 466 p. (In English)

3. Kircher-1 (1667) – Athanasii Kircheri... China monumentis qua sacris qua profanis, nec non variis naturae et artis spectaculis, aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrate... Amstelodami. 278 p. (In Latin).

4. Kircher-2 (1670) – La Chine D'Athanase Kirchere, illustrée de plusieurs monuments tant sacrés que profanes et de quantité de recherches de la nature & de l'art, Traduit du latin par François-Savinien Dalquié. Amsterdam. 367 p. (In French).

5. Kircher-3 – China illustrata. Translated by Dr. Charles D. Van Tuyl from the original 1677 Latin edition. [China monumentis, qua sacris qua profanis. illustrata] //

URL <https://htext.stanford.edu/content/kircher/china/kircher.pdf>

(accessed 27.01.2019)

6. Kircher-4 (1679) – Athanasii Kircheri e Soc. Jesu Turris Babel, siue Archontologia qua primo priscorum post diluuium hominum vita, mores rerumque gestarum magnitudo, secundo, turris fabrica civitatumque exstructio, confusio linguarum, & inde gentium transmigratio. Amstelodami. 219 p. (In Latin).

7. Klöter, H. (2011). *The Language of the Sangleys: A Chinese Vernacular in Missionary Sources of the Seventeenth Century*. Leiden: Brill. 411 p. (In English)

8. Lomanov, A.V. (2002). *Khristianstvo i kitayskaya kultura* [Christianity and Chinese Culture]. Moscow, Vostochnaya Literatura. 446 p. (In Russian).

9. Nazarov, N. (2015). *Slovari Ambrogezho Kalepino i Pamvy Berindy: mezhdru Vizantiyey i Renessansom* [Ambrogio Kalepino and Pamva Bérinda's dictionaries: between Byzantium and Renaissance]. *Slavica Tergestina*, 16, p. 170-183. (In Russian).

Авторы публикации

Мартынов Дмитрий Евгеньевич –
 доктор исторических наук, профессор
 Казанский федеральный университет
 E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Глушкова Светлана Юрьевна –
 кандидат филологических наук, доцент
 Казанский федеральный университет
 E-mail: Svetlana.Glushkova@ksu.ru

Authors of the publication

Martynov Dmitry Evgenyevich –
 Doctor of Sciences (History), Professor
 Kazan Federal University

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru,
Glushkova Svetlana Yurievna –
 Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
 Associate Professor
 Kazan Federal University
 E-mail: Svetlana.Glushkova@ksu.ru

Поступила в редакцию 20.06.2019.

Принята к публикации 07.07.2019.

УДК 8; 81:81-2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

О.Г. Палутина, В.Е. Сабитова

Olga.Palutina@ksu.ru, veronica.sabitova@mail.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются речевые стратегии и тактики, применяемые в судебном дискурсе как особой составляющей юридического дискурса. Цель коммуникантов в суде состоит в убеждении собеседника, аргументации своей позиции. Речевые тактики, применяемые для оказания речевого воздействия, различны для всех участников судебного заседания. Можно наблюдать репрезентацию источников одной и той же информации с разных позиций и посредством отличных речевых тактик. Это различие иллюстрировано примерами высказываний участников суда.

Ключевые слова: юридический дискурс, речевые стратегии, речевые тактики, репрезентация источников информации, речевое воздействие, прагматика.

Для цитирования: Палутина О.Г., Сабитова В.Е. Репрезентация источников информации в судебном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 3 (2): 85–93.